

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОВОЙ СУЩНОСТЬЮ КАТЕГОРИИ «СОМНЕНИЕ»

Предлагаемое вниманию исследование посвящено наблюдениям над языковыми реализациями категории-универсалии «сомнение».

Сомнение – явление многогранное, многоаспектное, это не чисто языковая категория; оно изучается целым блоком гуманитарных наук: психологией, философией, теологией, когнитивистикой и др. Иначе, это междисциплинарная категория, в том числе и лингвистическая. А это значит, что она находится в кругу приоритетных объектов антропоцентрической научной парадигмы, нацеленной, в первую очередь, на исследование *человеческого фактора* в его разнообразных проявлениях. В лингвистике вектор антропоцентрических исследований направлен на анализ феномена «языковая личность», то есть языковые проявления *«я-субъекта»*. Как определяет Б.А.Серебрянников, в центре данной парадигмы «<...> человек в языке и язык в человеке» (Серебрянников 1988:6).

Из сказанного следует, что в центре антропоцентрических исследований, естественно, находятся субъективные модусные категории – главные манифестанты языковой личности: именно через данные категории отражается психоментальный мир человека, реализуются его коммуникативные планы, прагматические цели и задачи.

В современной, антропоцентрической, лингвистике *сомнение* рассматривается в кругу персуазивных значений. Под *персуазивностью* понимают субъективную модусную категорию, которую формируют две сложно организованные семантические области: *уверенности и неуверенности* (Шмелева 1979, Белошапкова 1981). Значение «сомнение» входит в число компонентов, формирующих семантическую область неуверенности.

Целью исследования является освещение некоторых (из многочисленных) особенностей языковых проявлений категории «сомнение».

Языковые проявления категории «сомнение»

В языковой системе *сомнение* вместе со значениями предположения, догадки, догадки-вывода и др. структурирует семантическую область неуверенности субъективного блока значений (Ламбарджян 1981). Ясно, что родовым значением является *неуверенность*, а формирующие данную об-

ласть значения являются видовыми. Но наблюдения показывают, что в каждом из компонентов, формирующих семантическую область неуверенности, есть элемент «сомнение». Это отражают и словарные определения *неуверенности* и *сомнения*. «Сомнение. 1. Неуверенность в истинности чего-нибудь, отсутствие твердой веры в кого-нибудь. 2. Затруднительность; недоумение при разрешении какого-либо вопроса» (Ожегов 1953:1311).

И действительно, в каждом значении из области неуверенности есть элемент 'сомневаюсь в достоверности', а *неуверенность* и *сомнение* нарушают традиционные представления о родо-видовых отношениях.

Интересны и наблюдения над внутренней формой слова «сомнение»: *со* – *мнение* обычно с предлогом/приставкой *с-* (*со-*) ассоциируются представления о единстве, согласии, совместности (согласие-единогласие, то есть общность точек зрения). Но внутренняя форма слова «сомнение» нарушает эту традицию: *со-* наполняется иным содержанием, которое можно передать с помощью «еще». А значит, *сомнение* можно интерпретировать как 'еще мнение'. А существование более одной точки зрения приводит к разрушению единоначалия, что чревато такими последствиями, как: *несогласие, разделение, расщепление, раздвоение, непонимание, борьба* и т.п. Интересно отметить, что эта идея раздвоения в армянском языке представлена прямо, одним из синонимов глагола сомневаться – երկմտել (буквально: двоемыслить). Идея «двоемыслия» четко реализована во фразеологизме «Бабушка надвое сказала», что значит: 'сомневаюсь'.

Можно предположить, что в семантическом объеме феномена «сомнение» потенциально наличествуют и такие элементы, как *разбие-ние, нестабильность, неустойчивость, шаткость, безопорность, безнадежность, подозрительность, страх* и т.п. Как видим, весь этот ряд отягощен отрицательными ассоциациями. Исследование языкового материала показывает, что весь этот ассоциативный ряд реализован и более того: расширен, углублен, обогащен.

Интересны и наблюдения над способами представленности и средствами выражения *сомнения* в языке. *Сомнение* может быть представлено *имплицитно* (нулем) и *эксплицитно*.

[Квартира была пуста.] Уехала. Скрылась. В этих предложениях есть семантический компонент 'Не уверен, сомневаюсь' представленный нулем. Эксплицитно *сомнение* представлено огромным количеством языковых средств, относящихся к разным уровням языковой системы.

Все эти средства можно разделить на *экспликаторы* (прямые реализаторы) и *сигнализаторы* (непрямые реализаторы). Согласно нашим наблюдениям, экспликатор один: это главная часть сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными: «*Я сомневаюсь, что...*». Например: «*Я сомневаюсь, что все это дело рук Ивана.*»

Все остальные средства – сигнализаторы сложных смысловых структур, где роль компонента «сомнение» существенна: они формируют *проективную* («переносную») информацию, воспринимая которую, адресат вынужден проделать определенную работу по декодированию заложенного значения.

Так, например, сигнализатор-персуазив *якобы* – это сложный персуазивный текст, где можно выделить компоненты:

1. Не я, говорящий, источник информации; 2. Я сомневаюсь в достоверности данной информации; 3. И тебе, адресат, советую не доверять ей.

Иначе говоря, здесь отражены: а) позиция говорящего; б) его коммуникативные намерения относительно адресата; в) информация об авторстве. Приведем примеры:

1) – *Я учительница Юрия, который якобы умер.*

– *А почему якобы?*

– *Потому что у меня есть сомнения по этому поводу. Он мне прислал открытку после своей смерти (Т/с «Танго втроем»).*

1) *Есть много версий относительно смерти царевича Алексея. Одна версия, в которую никто не верит, якобы Алексей умер от инсульта (Т/к «Культура», т/п «Сферы», «Наследник престола Алексей»).*

В приведенных примерах частица *якобы* реализует все компоненты своей смысловой структуры. Примеры интересны и тем, что здесь наблюдается семантический дубль: в первом примере смысловой компонент ‘Я сомневаюсь’ повторяется в выражении «<...> у меня есть сомнения <...>», во втором примере – в выражении «<...> в эту версию никто не верит», причем здесь языковая личность идет дальше: не только эксплицирует свою персуазивную позицию, но и приписывает ее всем.

Не менее сложно в смысловом отношении устроены и другие сигнализаторы; все они формируют *проективную* (непрямую, переносную) информацию (Верещагин, Костомаров 1986:138). Это вводно-модальные слова (*может быть, возможно, должно быть, наверно, кажется* и т.п.); модальные частицы (*разве, ну ужели, вряд ли, едва ли* и т.п.); фразео-

логические единицы, паремии, клише (*темные/смутные/страшные/тягостные... сомнения // Сомнения грызут/точат/вползают/душат... // Свежо предание, да верится с трудом; Бабушка надвое сказала; Покрыто мраком неизвестности; Стоять на распутье, терять почву под ногами; гадать на бобах/на кофейной гуще; Тайна двух океанов; Ни то ни се // Как знать? Бог знает; Ой ли! Да ну?! и т.п.*).

Все эти очень разные по своей языковой фактуре персуазивы содержат семантический компонент: 'сомневаюсь в достоверности', который является основным. Эти сигнализаторы объединяет еще одно свойство: их первичная функция персуазивная.

Кроме вышеуказанных персуазивов, есть огромное количество языковых средств, реализующих персуазивные значения из области неуверенности во вторичной функции. Например: *«темный лес; загадка сфинкса; терять почву под ногами; гадать на кофейной гуще; открыть глаза; ходить с повязкой на глазах* и т.д.

Сравним:

1) *Говорят, она хорошо гадает на кофейной гуще.*

2) [Полковник Петренко возмущается неопределенностью ответов сотрудников] *Может, так, а может, не так... Сидите тут и гадаете на кофейной гуще! Идите, работайте!* (Т/с. «Улицы разбитых фонарей»).

Еще пример:

1) *Глаза больного открылись, и он попросил пить.*

2) – *Я запутался. Не знаю, как поступить.*

– *Просто открой глаза* [Совет матери сыну] (Т/с. «Полюбить вновь»).

Сюда же можно отнести сочинительные разделительные союзы *то ли... то ли, не то... не то*, первичная функция которых – союзная, но одновременно они реализуют и персуазивное значение сомнения:

То ли снится, то ли мнится, /Показалось что невеста? /То ли иней на ресницах, /То ли вправду что-то есть? (А.Твардовский «Василий Теркин»)

Сомнение может выражаться и через мимику, жесты.

Например:

1) *Собин сложил губы в улыбке сомнения* (В.Брюсов «У мецената»).

2) Ну что ты *смотришь на меня взглядом, полным сомнения?!* (Т/с. «Обручальное кольцо»).

Есть и огромное количество языковых средств, которые, не являясь персуазивами, ни в прямых (прагматических), ни в переносных (проективных) реализациях, тем не менее, настраивают психоментальный мир языковой личности на 'не сомневайся' или 'сомневайся'. Например: *Только факты; Как это было; Реальные истории; На самом деле; Факты упрямая вещь* (их психопрагматическая нацеленность – 'и не сомневайся в достоверности'); *версия, легенда, миф, йети, НЛО, мираж, сон* и под. Настраивают сознание и подсознание языковой личности на психоустановку «сомневайся в достоверности».

Интересны и наблюдения над группой глаголов-персуазивов, которые можно распределить по группам:

- 1) прямые выразители значения «сомнение» (*сомневаться/ не сомневаться*);
- 2) отражающие ситуации, стержень которых сомнение: *чудиться, мерещиться, казаться, мниться* и т.п.;
- 3) содержащие в смысловой структуре компонент 'я сомневаюсь': *предполагать, догадываться, прогнозировать* и под.

Но есть и глаголы-неперсуазивы, которые обнаруживают определенный персуазивный потенциал. Так, глагол *ревновать* можно интерпретировать как 'сомневаться в верности'.

Глаголы *колебаться, шататься* и под. в переносном значении реализуют 'сомневаюсь'.

Глагол *доверять* структурирует сложный персуазивный текст, где говорящий информирует о том, что а) не является обладателем достоверной информации; б) знает, что адресат (третье лицо) обладает достоверной информацией; в) информирует о том, что принимает точку зрения адресата/третьего лица. Но это не значит, что говорящий безоговорочно присоединяется к этой позиции, о чем свидетельствует выражение: «*Доверяй, но проверяй*». Оно содержит в себе персуазивное противоречие: 'Принимаю, что информация достоверна, но сомневаюсь в ее достоверности'. Можем сказать, что это персуазивный оксюморон.

Глагол *доказывать/доказать*. В смысловой структуре отражаются многие составляющие персуазивного коммуникативного акта: а) говорящий уверен, что обладает достоверной информацией; б) он уверен, что адресат сомневается в достоверности информации; в) говорящий преследует прагматическую цель – убедить партнера, рассеять его сомнения.

Видовая пара *доказывать/доказать* интересна и тем, что несовершенный вид оставляет открытым, неопределенным вопрос об исходе

персуазивной коммуникативной битвы, а совершенный вид четко очерчивает исход схватки, отражая победу говорящего.

Много персуазивных тайн скрывают и пары типа *убедить/убедиться*: первый член пары нацелен исключительно на адресата с результатом – победой говорящего; а *убедиться* отражает позицию адресата, принявшего достоверность предлагаемой говорящим информации.

Думается, что и этих примеров достаточно, чтобы убедиться в перспективности изучения персуазивного потенциала глаголов.

Естественно, одним из магистральных направлений поисков является анализ *психопрагматического потенциала категории «сомнение»*. Упрощенная картина может быть представлена следующим образом: выстраиваются две бинарные оппозиции: 1) *«не сомневаюсь/сомневаюсь»*; 2) *«не сомневайся/сомневайся»*. Первая оппозиция направлена на описание говорящим (или наблюдателем) персуазивных чувств, эмоций, психо-ментальных процессов, состояний и т.п. в описательном режиме.

Например:

1) **Тяжелые сомнения охватили меня**, не дали мне в ту ночь спокойно спать (Г.Данилевский. Княжна Тараканова); 2) *Дело потихоньку двигалось, но сердце грызли сомнения, а того ли человека он ищет*. (А.Маринина. Незапертая дверь); 3) *Зов предков слыша сквозь затихший гул, / Пошел на зов – сомненья крались с тылу <...>* (В.Высоцкий. Мой Гамлет); 4) *Я ненавижу сплетни в виде версий, / Червей сомненья, почестей иглу <...>* (В.Высоцкий. Я не люблю); 5) *Вальсер <...> истинно благородный, достойный человек, в чем Корнелиус никогда не сомневался. Ну разве что в минуту слабости, когда лежал в холодной, тесной щели. Постыдная гадина шевельнулась в душе, зашипела: «Этот он тебя спасти хотел, боялся, чтоб ты его под пыткой не выдал»*. (Б.Акунин. Алтын-толобас).

Все эти очень разные контексты объединяет то, что говорящий (от первого или от третьего лица) или наблюдатель описывает персуазивные мысли, чувства, переживания, ментальные процессы, отражающие сомнение.

Не менее активную роль играет сомнение в коммуникативном режиме, где претворяет намерения участников коммуникации. Приведем примеры:

1) *Неужели вы думаете, я не понимаю, зачем вас сюда принесло. У вас на лбу написано, что вы решили пожить*. (Т.Устинова. Хроника гнусных времен);

2) – Пушкин написал «Евгения Онегина», а Толстой «Анну Каренину».
– **Вы уверены, что не наоборот?**
– *Сто пудов. [‘Не сомневаюсь, что так’]* (Г.Устинова. Хроника гнусных времен);

3) – *А вы уверены, что Констанция в монастыре?*
– **Абсолютно уверена.**
– *А вот я не уверен* [Диалог между Д’Артаньяном и миледи, где он практически хочет сказать: «**Вы обманываете**»] (А.Дюма. Три мушкетера).

4) – *Ты меня спрашиваешь, сочиняю ли я пьески, к чему у меня, как говорят, есть таланты. Нет, я не сочиняю ни пьесок, ни пьес, а талант у меня есть, и это мне не кажется, а я знаю на pewno. А если другим кажется, так я знаю лучшие их, и мне нет никакого дела до того, что им кажется – я знаю, что знаю* (А.Соловцов. Римский-Корсаков).

[Гнев обращен против тех, кто сомневается в гении Римского-Корсакова; сам он убежден, что обладает талантом (и абсолютно справедливо).]

5) [Адвокат видел записку, написанную преступницей, переложившей убийство на чужие плечи.]

– *Вы ему не писали?*
– **Нет, что вы?** [‘И не сомневайтесь’]
– **Вы уверены в этом?** [‘Я сомневаюсь’]
– **Что за вопрос?! <...>**
– *Должен сообщить вам, что существует записка Джозефу Хеммонду, написанная вашей рукой* (С.Мозэм. Нечто человеческое).

Все эти очень разные коммуникативные акты объединяет одно: это перенапряженные персуазивные битвы, где ведущую роль играют оппозиции: ‘сомневаюсь/не сомневаюсь’ и ‘сомневайся/не сомневайся’, конечно, в разных вариациях.

Особый интерес представляет исследование дискурсивного аспекта феномена «сомнение». Это очень обширная тема, и в пределах одной статьи можно указать лишь на некоторые особенности дискурсивных реализаций «сомнения».

Известно, что «дискурс – это <...> речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990:137); «<...> единица, принадлежащая к высшему уровню языка, состоящая из связанных по смыслу предложений» (Борботько 2007:5), «<...> речь во взаимодействии с живой жизнью, ее событийным контекстом, социальными и психологическими характеристиками говорящих»

(Матвеева 2003:62), «<...> реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, служащих социуму в качестве инструмента познания» (Белошапкина 2007:3).

Приведенные определения (из огромного количества) указывают на то, что дискурсивный анализ может способствовать выявлению прагматического, психолингвистического, лингвокультурологического, когнитивного потенциалов дискурсивных категорий, и **сомнения** в том числе.

Пристальное внимание дискурсу уделяет и философия, согласно которой в человеческом понимании мироздание есть **ряд картин мира**, обусловленных разными точками отсчета, разными углами зрения; одна картина отличается от другой *шкалой* ценностей, **смысловыми** доминантами, **языковыми особенностями** (Философия 1999:244).

Анализ показывает, что модусная категория «**сомнение**» в разных дискурсах представлена по-разному: не совпадают (или частично совпадают) смысловые доминанты, дискурсивные центры, языковые особенности, структуры концептов). Иначе, в дискурсах данная модусная категория представлена в виде концептов, которые имеют разные структуры, причем несовпадение обусловлено как различиями структурирующих компонентов, так и их конфигурацией.

Отметим, что под концептом (вслед за многими авторами) понимаем: «<...> как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 1997:42); «<...> результат взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей» (Арутюнова 1999:21).

Так как концепты имеют большой удельный вес в психоментальном и эмоциональном мире *Я-Эго*, то их изучение является востребованным в системе идей и образов антропоцентрической научной парадигмы. «Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, и поэтому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой» (Маслова 2004:51).

Итак, модусная категория «**сомнение**» в **повседневном дискурсе**.

Данный дискурс – своеобразный «начальный член» дискурсивной парадигмы: все остальные картины мира, представления об устройстве мироздания вырастают на базе данного дискурса и возвращаются в него в виде проекций. «Все достижения науки и философии с течением времени направляются в сторону обыденного сознания» (Философия 1999:241). Повседневный дискурс абсолютно антропоцентричен, во всех

своих проявлениях сфокусирован на субъекте. «В центре обыденной картины мира стоит человек <...>. Повседневность – это мир, где он – главная фигура» (Философия 1999:244).

Именно в данном дискурсе полностью реализуют свои возможности оппозиции:

1) *не сомневаюсь/сомневаюсь* и 2) *не сомневайся/сомневайся*.

В обыденном сознании языковой личности удельный вес **сомнения** велик: основываясь на данных языкового материала, можно утверждать, что это один из основных компонентов наивной картины мира. *Человек – вместилище сомнений, потрясений, страхов* (Т/к. «Культура. Передача о Л.Н.Толстом от 27 октября 2011 г.).

Психоментальный и эмоциональный миры *я-субъекта* находятся в цепких объятьях сомнения.

Все эти средства реализуют значение **сомнения**, т.е. в эмоционально-экспрессивной форме передают: *‘Я сомневаюсь в достоверности информации’*. При этом некоторые из них являются непосредственной реакцией на воспринятую информацию (*Ой ли! Да ну?! Как сказать! Бабушка надвое сказала* и под.), а другие описывают чувства, эмоции, переживания (сомнения *мучают, терзают/точат; ропот сомнений и т.д.*). Все эти средства четко распределяются на «*средства адресата*», отражающие его реакцию (*Ой ли?! Бабушка надвое сказала; Что за чушь/ Бред* и под.), и на «*средства говорящего*» (передающие его персуазивные чувства, переживания).

Обратимся к компонентам, структурирующим концепт «сомнение» в повседневном дискурсе. Структура настолько сложна, что обзреть все компоненты невозможно; сконцентрируемся на некоторых – основных.

Обыденное сознание олицетворяет, точнее, одушевляет данный феномен. Это страшная, грозная, разрушительная, расшатывающая, убивающая, терзающая сила. Она ассоциируется со страхами, ужасами, химерами сознания и подсознания: *сомнение* – это враг всего «*Я-субъекта*». И ассоциативный ряд исключительно отрицательный:

Сомнение грызет (грызун, хищник); гложет (хищник – кость жертвы); раздирает (грозный хищник); сосет (вампир, сосущий кровь); вкрадывается в душу/крадется (вор, убийца, предатель); закрадывается (обольститель, нечистая сила); мучает (палач, мучитель, болезнь); душит (убийца, болезнь, душитель); точит (вода камень разрушает) – червь (сомнения), т.е. смерть, разложение.

И этого, далеко не полного списка языковых средств, достаточно, чтобы утвердиться в мысли, что **сомнение** – это грозный, страшный враг, срывающий **Я-эго** в бездну страхов сознания и подсознания; не случайно выпадают (но не взлетают) в сомнение; во всех языковых средствах, характеризующих сомнение, есть идея *падения, энтропии, смерти*.

На что направлена эта колоссальная разрушительная сила? На космическое, иноматериальное. *Я* человека – *на душу*, на ее полное уничтожение. И нередко эта сила добивается успеха: **сомнение** лежит в основе психических расстройств, смещений (раздвоения личности, трудностей самоидентификации, адекватности восприятия, страхов, фобий, сомнамбулических состояний и т.п.). И совершенно естественно, что обыденное сознание так широко, разносторонне охарактеризовало языковыми средствами *первого врага души* – **сомнение**. Девизом обыденного сознания в императивном режиме должно быть «сомненья прочь» (Б.Окуджава).

Если вернуться к началу исследования, то можно убедиться, что языковыми средствами в повседневном дискурсе представлен весь ряд потенциальных реализаций, которые заложены во внутренней форме слова «сомнение». При этом, в данном дискурсе наблюдается эмоционально-экспрессивное отношение к рассматриваемому феномену.

Религиозный дискурс и категория «сомнение»

Можно утверждать, что *сомнение* – одна из сквозных идей религиозного дискурса, основным императивом которого является '*Не сомневайся в Божественной организации мироздания*'. *Сомнение* – одна из основных составляющих религиозного сознания, но главная задача верующего – изгнание его из своих чувств, мыслей, мировосприятия. Вся борьба истинно верующего направлена против разрушительной силы *сомнения в вере*. Девиз религиозного мировоззрения: «*Сомнение – первый враг Веры*». И поэтому: «*Не будь в числе сомневающихся*», – предупреждает Коран. «*Горе ходящему по двум стезям*», – пишет Г.Нарекаци (Книга скорбных песнопений. Пер. В.Микушевича).

Основная задача, стоящая перед религиозным сознанием, *изгнание сомнения*, сведение его «удельного» веса к нулю. *Верить без оглядки (без сомнения)* – необсуждаемый императив религиозного дискурса.

Вся религиозная литература отражает, в первую очередь, одну *цель* – оградить верующего от какого-либо сомнения, помочь победить его, так как сомнение в Божественном Проведении есть *смертный грех*. «*Двоемыслие (сомнение) неприемлемо для того, кто хочет попасть в Цар-*

ствие Небесное: туда попадает только тот, что живет «единомысленно», наивно, как дети» (Архиепископ Арцахский Паргев, Т/к. А-2. Т/п. «Духовная безопасность»).

Отметим, что *наивный* в армянском языке *ւիշիւիլ* буквально значит *единомысленный*.

Помочь верующему, указать пути преодоления сомнения в геоцентричности мироздания – именно эту *цель* преследуют Священные Книги, в частности Библия с ее Ветхим и Новым Заветами, книгой Деяний Апостолов.

Так, в Библии неоднократно (причем, очень часто прямо) представлена мысль: человек, слышащий голос Всевышнего, идущий на этот зов без оглядки, сомнений, смущений, отступлений, находит спасение и обретает вечность в Царствии Небесном (Ной, Авраам, Иов, Моисей, пророки, святые, отшельники, искренно верующие). И наоборот, кто был введен в заблуждение, смущение, колебание, сомнение..., оступался, оглядывался, тот лишался милости Божьей и, соответственно, надежды на вечную жизнь. Вспомним Еву и Адама, жену Лота (оглянувшуюся и превратившуюся в соляной столб), отца Иоанна Крестителя Захарию (засомневавшегося во всемогуществе Всевышнего и онемевшего).

И в Евангелиях отражена одна главная *цель* – повернуть человека к *иномерности*, чтобы он «жил в миру, но не от мира сего» (как говорит Апостол Павел в книге Деяний Апостолов). Для того чтобы ориентиром было Царствие Небесное, необходимо отказаться от всяческих сомнений и идти согласно пути, начертанному Спасителем. Как показывает опыт человечества, это трудно выполнимая задача: даже избраннейшие ученики Христа, апостолы, неоднократно смущались, оступались, отступались, впадали в сомнение, страх, *предавали...*

Например:

По Евангелию: *И ученики, увидевшие Его, идущего по морю, встревожились и заговорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. /Петр сказал Ему: Господи, если это Ты, повели мне идти к тебе по воде./ Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу; /Но видя сильный ветер, закричал: Господи! Спаси меня. И Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный: зачем ты усомнился? (Евангелие от Матвея, глава 14, строфа 28-31). (Смело можно утверждать, что Петр – это воплощение*

позиции всего человечества, вечное смущение, сомнение, призывы спасти, вытащить из бездны потрясений). Ученик Его Иуда предал (указал на него палачам); любимый Им Петр неоднократно отрекался от Него (трижды в ночь предательства); ученики оставили Его одного на кресте, сильно усомнившись в Его Божественной сущности; Апостол Фома Неверующий не хотел верить в воскресение Христа. Словом, согласно тексту Библии, путь человечества к иномерности полон падений, что обусловлено *сомнением, уничтожением, гибелью, смертью* души. Воистину, «Сатана вползает в души путем сомнений» (Т.Кочарян, Т/к. «Ар». Т/п. «Духовные беседы»).

Сомнение в Божественном Провидении приводит человека к мысли о конечности бытия, человек отпадает от вечности, и в его душу вкрадывается *страх смерти*. «Страх смерти – вот основное оружие в руках Сатаны: страх смерти *закрывает глаза души* и бросает человека в объятия грехов» (Из проповеди отца Лазаря Петросяна, духовного пастыря с. Бюраван, во время Божественной литургии в церкви Св. Лазаря, 31 марта, 2012г.).

Каков путь к спасению от *сомнений, страха смерти*, отпадения от Вечности? Религия предлагает верующему один путь – непрестанно молиться Всевышнему о спасении от соблазнов, сомнений, страхов ... Непременным условием непоколебимости в вере является *духовное прозрение, открытие глаз, души и сердца*. Этому посвящены многие страницы Евангелий. Одним из ярких примеров обращения, озарения, прозрения является случай с Апостолом Павлом. Если простой смертный в своих молитвах просит земных благ, то истинно верующий молит об одном: о спасении души от соблазнов, смущений, сомнений, об открытии духовного зрения – *глаз души и сердца*, ибо именно оно (открытие) может дать спасение. Ведь Всевышний – это Свет, и чтоб увидеть этот Свет и идти к нему без колебаний, необходим орган духовного зрения:

1) *Просвети их [христиан] мысль и глаза души и сердца во спасение <...>* (Из молитвы Богородице); 2) *Господь наш Иисус Христос, открой глаза и уши сердца, чтобы услышать волю Твою* (Молитва перед чтением Священного Писания); 3) *Очисти орган зрения сердца <...>* (Г.Нарекаци. Книга скорбных песнопений); 4) *Свет Истинный – Христос! Удостой душу мою узреть сияние Славы Твоей в день призыва моего <...>* (Н.Шнорали. С верой исповедую); 5) *Пусть Десница Твоя будет мне щитом, ночью и днем, дома ли, в дороге ли, спящим или бдящим, чтобы никогда не содрогнуться* (Из молитвы Н.Шнорали «С верой исповедую»).

Не случайно, что в Божественной литургии Армянской апостольской церкви в покаянной молитве вымалливается грех *сомнения, смущения*; перед тем, как начинается основная часть литургии, служитель обращается к прихожанам: *«Кто не вполне уверен, да не подойдет к причастию»*.

Прекрасно передана мысль о спасении через молитву в стихотворении «Молитва». М.Ю.Лермонтова:

<i>В минуту жизни трудную</i>	<...>
<i>Теснится ль в сердце грусть:</i>	<i>С души как бремя скатится,</i>
<i>Одну молитву чудную</i>	<i>Сомненье далеко – и верится, и плачется,</i>
<i>Твержу я наизусть.</i>	<i>И так легко-легко. (Молитва)</i>

Как видим, анализ подтверждает мысль о том, что повседневный и религиозный дискурсы совпадают: а) в объекте, на который направлена разрушительная сила сомнения – (*душа*); б) в негативном отношении к данному феномену.

Но есть и различия. Они обусловлены, в первую очередь, субъектом восприятия. Здесь наблюдается противопоставление *Всевышний – человек*. Всевышний не сомневается: Он *Всевидяц, Всеведуц, Всезнающ*. Следовательно, Он не может сомневаться, и поэтому в горнем мире нет оппозиций: а) *сомневаюсь/не сомневаюсь*; б) *сомневайся/не сомневайся* (как в дольнем, человеческом мире).

Здесь все сводится к императиву *‘Не сомневайся!’* (От небес к человеку). Причем это необсуждаемый императив, иначе – выпадение из Божественного контекста, отпадение от Света, истины, как говорит Св. Н.Шнорали, *<...> Вера заключается в том, что всё, написанное в Святом Писании, <...> не осмысляется, как небылица или легенда, а признается как истинное и правдивое; верится, что это истина, как будто своими глазами видишь всё то, что было, есть и будет* («Послание всем»). А в человеческом контексте актуальны обе оппозиции.

По-разному семантизируются и многие «прописные истины» в этих дискурсах. Так, например, выражение *Человек смертен*, столь актуальное в рамках обыденного сознания отвергается религиозным сознанием, так как главная идея здесь: *душа бессмертна*, следовательно, снимается проблема смерти:

- а) *Что верно? – Смерть одна* (Либретто оперы «Пиковая дама»).
- б) – *Что до меня касается, то я убежден только в одном... – сказал доктор.*

– В чем же это? – спросил я <...>.
– В том, – отвечал он, – что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру (М.Лермонтов. Герой нашего времени).

в) [Диалог между ювелиром и представителем ФСБ перед операцией по поимке преступника.]

– Вы готовы?

– Готов.

– А вы уверены в этом?

– Уверенным можно быть только в смерти (Т/с. «Ангел-хранитель»);

Итак, и этих некоторых штрихов к картине мира религиозного дискурса сквозь призму феномена «сомнение» достаточно, чтобы убедиться, насколько ёмкой и многогранной является данная тема. Вопрос о структуре концепта «сомнение» здесь остается открытым, так как рамки статьи слишком узки для охвата всех компонентов. Мозаика концепта может быть значительно расширена, если к анализу оппозиции Всевышний – человек добавить оппозицию человек – человек (точнее: *верующий – неверующий*). Но очевидно одно: здесь реализуются, конкретизируются в разнообразных вариациях все потенциальные смыслы, заложенные во внутренней форме слова «сомнение».

Научный дискурс

Не менее интересные особенности представленности категории «сомнение» отражает языковой материал других дискурсов. Здесь укажем на некоторые из этих особенностей.

Научный дискурс антонимичен повседневному и религиозному дискурсам, так как *сомнение* в системе идей и образов, ментальности данного дискурса признается двигателем, локомотивом науки. Здесь оно характеризуется эпитетом *здоровое (сомнение)*. Того же мнения представители тех областей человеческой деятельности, которые связаны с творчеством (креативностью). Так, режиссер Лев Додин утверждает, что в основе любой творческой деятельности *лежит сомнение* (Т/к. «Культура», т/п. «Белая студия»). То же утверждает Ясен Засурский: *«Тот, кто не сомневается, не узнает правду. Человек думающий – это человек сомневающийся»* (Т/к. «Культура», 7 июня 2012 г.).

Что касается философского дискурса, то диапазон осмыслений «сомнения» столь широк и разнообразен, что может дать пищу целому

ряду исследований: каждое философское учение, течение, направление имеет свое понимание данного феномена. Если очень примитивно «округлить», то можно ситуацию представить следующим образом:

- ‘не сомневаюсь’ 1) в существовании объективного, вне меня, мира; 2) в адекватности моих (субъекта) представлений о мире этому самому миру (материализм);
- ‘сомневаюсь’ 1) не только в адекватности моих представлений о существующем вне меня мире (И.Кант), 2) не только в существовании объективного, вне меня, мира (многие разновидности субъективного идеализма), 3) но и в существовании себя самой (крайние проявления субъективного идеализма).

Языковой материал представляет прекрасные примеры, раскрывающие суть этого тотального ‘сомневаюсь’:

1) *А я не знаю, знаю я или не знаю* (В.Носов. Незнайка в Солнечном городе).

2) *А был ли мальчик-то? Может быть мальчика-то и не было?* (М.Горький. Жизнь Клима Самгина).

3) *Ты хотя бы поймешь, до чего я не уверен в любой истине, даже в той, в которую я верю* (У.Эко. Имя Розы).

4) – <...> *Значит вы тоже не верите?*
– *Во что?*

– *В то, что войска окружили город и расстреляли три тысячи рабочих <...>.*

Священник измерил его взглядом, исполненным сострадания.

– *Ах сын мой, <...> с меня было бы достаточно веры в то, что мы с тобой сейчас существуем* (Г.Маркес. Сто лет одиночества).

Все эти контексты отражают состояние философской смещенности на основе сомнения во всем, в том числе в факте собственного существования.

Человек создает теорию «кажимости», отражающую состояние между сном и явью.

1) *Снится розовое лето... –*

<...> А еще за далью где-то –

Или вижу, или мнится –

Это розовое лето

Как и мне, кому-то снится...» (Антосыч).

2) «<...> *И задумался мудрец Лао-Цзы – кто же он на самом деле – Лао-Цзы, которому приснилось, что он мотылек, летающий над цве-*

тами, или мотылек, которому приснилось, что он мудрец Лао-Цзы (Из китайской притчи).

Артист И.Косталевский сообщает, что он придумал теорию кажимости: «<...> все вокруг не на самом деле, а только *кажется*» (Т/к. «ОРТ», т/п. в честь юбилея артиста). Та же мысль представлена у С.Есенина: «*Глядишь на жизнь и думаешь, живешь или нет*» (Из письма Г.А. Панфилову); «*Я верил, а оказалось все миражем*» (Из письма Г.А.Бениславской). Или: «*Жизнь – это рисунки на песке, которые моментально стирает ветер*» (М.Казаков, т/к. «Культура», т/п. «Линия жизни»).

Сигнализатором этого психоментального и эмоционального состояния «кажимости», «миражности», «смещенности» является словосорняк как бы. Приведем пример: [На фоне полыхающего пожара в режиме настоящего времени репортажа, т.е. в режиме '*Я – здесь – сейчас наблюдаю конкретное явление*' репортер берет интервью у очевидца, и тот отвечает следующим образом:] «Ну тут *как бы пожар*, тут только что *как бы выбросили ребенка на одеяло...*» То есть языковая личность доводит до сведения адресата, что она ни за что не отвечает, ни в чем не может быть уверена.

У людей со здоровой психикой подобное состояние «субъективного тумана» может вызвать антиреакцию. Этому посвящает произведение «В государстве по имени КАК БЫ» Е.Евтушенко. Здесь поэт отлично выявляет многие грани личности, которая ни в чем не может и не хочет быть уверенной, так как это очень удобная позиция: ни за что не быть в ответе. Автор справедливо считает это *психическим расстройством*: «КАК БЫ – всеобщее, оно везде. И это словно *будничное полоумье*. *Как бы* – сигнал о внутреннем «Я», не совсем адекватной личности.

Думается, изложенного достаточно, чтобы убедиться: исследование разных аспектов категории «сомнение» весьма плодотворно. Это категория, обладающая мощным психопрагматическим и лингвокультурологическим потенциалом, и представленные выше наблюдения – это всего лишь вершина айсберга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Языки русской культуры. – М.: Наука, 1999.

3. **Белошапкова В.А.** Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1981.
4. **Белошапкова Т.В.** Когнитивно-дискурсивное описание аспектуальности в современном русском языке. – М.: Ком. Книга, 2007.
5. **Борботько В.Г.** Принцип формирования дискурса. – М.: Наука, 2007.
6. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983.
7. **Ламбарджян С.П.** Значения уверенности/неуверенности в разных по целенаправленности типах простого предложения в русском языке. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1981.
8. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004.
9. **Матвеева Т.В.** Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика. – М.: Флинта, 2003.
10. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. – М.: Гос изд. иностр. и нац. словарей, 1953.
11. **Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988.
12. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проспект, 1997.
13. **Философия.** Учебник для высших учебных заведений / Под ред. Кохановского В.П. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
14. **Шмелева Т.В.** Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке: АКД. – М.: МГУ, 1979.

Ս. Պ. ԼԱՍՏԱՐՁՅԱՆ

«ԿԱՍԿԱԾ» ԿԱՐԳԻ ԼԵԶԿԱԿԱՆ ԷՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ
ԳԻՏԱՐԿՈՒՄՆԵՐ

Ամփոփում

Հողվածում ուսումնասիրվում է սուբյեկտիվ իմաստներից մեկը՝ կասկածը: Այն դիտարկվում է տարբեր աշխարհաընկալումների տեսանկյունից՝ առօրեական, կրոնական, փիլիսոփայական: